

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Ревизор будет доволен

Коллега Крокодил! Посылаю тебе два документа, которые составила я сама.

Дело в том, что уборщица нашей редакции потребовала ведро. Иначе она не гарантировала безупречную чистоту помещения. Уборщица сказала, что будет довольна цинковым ведром. Это и дешево и сердито.

Ишь чего захотели! — сказали мне в магазине. — Цинковых у нас давным-давно нет. Мы уж забыли, как они выглядят. Возьмите эмалиро-

ванное с крышкой. Три рубля девяносто копеек.

— Дороговато! — вздохнула я. — За наличный расчет редакция имеет право покупать лишь те вещи, которые стоят не дороже двух рублей. Иначе банк счет не примет.

— А вы купите ведро по частям, — посоветовали продавцы. Выход оказался столь же прост, сколь и гениален. Документы на покупку были оформлены вполминуты.

«Счет № 1201.
Отпущено магазином № 7 редакции «Гайская новь» за наличный расчет:
Полведра с крышкой 2 руб.».

«Счет № 1202.
Отпущено магазином № 7 редакции «Гайская новь» за наличный расчет:
Полведра 1 р. 90 к.».

Теперь я знаю, что, если я покажу даже самому строгому ревизору из нашего райотделения Госбанка два полведра (то бишь одно ведро), он не сможет придираться. Единственное, что ему останется сделать, — это поблагодарить меня за сиропулезное соблюдение финансовой дисциплины.

Н. КРИВЕЛОВА,
секретарь-машинистка редакции газеты «Гайская новь»

пос. Гай,
Оренбургской области.

Дорогой Крокодил!

Внирни, пожалуйста, в эту грустную историю и дай свое резюме.

Дело было так. В одном из колхозов корова Мушка или Машка, неважно, сломала ногу. Заднюю или переднюю — неважно. А важно то, что теперь корову нужно сдать на мясо.

Вот здесь и начинается история с арифметикой. Заведующий фермой (1), зоотехник (2), ветфельдшер колхоза (3) и председатель ревкомиссии (4) срочно составляют акт на выбраковку Мушки-Машки. Затем зоотехник, получив визу председателя колхоза (5), спешно везет акт в производственное управление сельского хозяйства, где главный зоотехник (6), уточнив причину травмы, незамедлительно утверждает акт, а начальник управления (7) тут же скрепляет его печатью.

Ну все? Можно сдавать Мушку-Машку? Извините, никак нет. Еще должна сказать свое слово ветеринария. Заведующий участком (8) быстренько составляет свидетельство за своей подписью. Эту бумажку должен завизировать врач районной ветлечебницы (9). Вот теперь корову можно отправлять.

Составляется гуртовая ведомость, которую в два счета подписывают: председатель колхоза (10), главный бухгалтер (11), завфермой (12), экспедитор (13), зоотехник (14) и ветврач (15).

И вот Мушка-Машка на мя-

сокомбинате. Доставили ее на всех парах. Экспедитор бежит к завбазой за пропуском. Завбазой (16) пишет на уголке: «Врачу. Пропустить». И врач (17) без всякой волокиты, осмотрев корову, выписывает разрешение на убой. Вахтер (18) недолго думая ставит свою визу на гуртовой ведомости, тем самым разрешая въезд коровы на территорию комбината. Зав. убойным пунктом (19) не откладывая в долгий ящик пишет, что корову принял, а экспедитор (20), что сдал ее.

После убоя коровы и взвешивания мяса экспедитор расписывается в получении квитанции и едет в свой колхоз.

И это еще лучший вариант. А бывает куда хуже. Как вы уже подсчитали, чтобы сдать корову, нужно 20 подписей. А вдруг кто-то из двадцати подписывающих отсутствует? Ищи его тогда. Можно и не найти. А тем временем Мушка-Машка «сыграет в ящик», или, иначе говоря, отдаст душу своему коровьему богу.

К. ЛЕВКОВИЧ,
зоотехник колхоза имени Калинина.
Могилевская область.

РЕЗЮМЕ. Считаю, что это не порядок. Бегаю за подписями, и сам черт (21) ногу сломит. Не хуже Мушки-Машки. И тогда канитель со сбором подписей начнется сначала.

КРОКОДИЛ (22)

Уважаемый Крокодил!

Наша организация называется Областной союз потребителей обществ. Киевский филиал Центрального института типовых проектов прислал нам бандероль. Вот какой на ней был указан адрес: **Новгород, Облсоюз потребителей веществ.**

Уж и посмеялись мы!

Л. МИЩЕНКО

г. Новгород.

Где-то в досиня прокуренной комнате с звукопроницаемыми серыми стенами без окон сидят мрачные граждане, страдающие болезнями печени и желудка. Говорят о диете, лекарствах, санаториях. Ругают врачей. Стихи презирают. Прозу не любят. Газеты читают по диагонали. Радио не включают — голова болит.

Входит кто-то робкий с бумагой. Долго стоит. Наконец его замечают:

— Что там у вас?

ОБЗЫВАТЕЛИ

- Новый автобус.
- Как назывался старый?
- ПА3-652Б.
- Замените последнюю букву.

Так рождается еще одна уродливая, труднозапоминаемая, цифро-буквенная головоломка.

В этой же комнате-сейфе в какой-то трудный понедельник возникли чудовищные названия: Запсиблесдревпроммебельсбыт и Нижневолжскстройтранс.

Только такие обиженные судьбой, рассерженные мужчины могли окрестить серию прекрасных судов-лесовозов неблагозвучными прозвищами типа «Беломорсклес».

Обзыватели больны, но живучи и пока торжествуют. Недавно они посоветовали работникам Мурманского кинопроката назвать фестиваль детских и научно-популярных фильмов звучной аббревиатурой — ДИНПФ.

Чье имя созревает сегодня в унылых мозгах обзывателей? Комфортабельного автобуса или красавца корабля, юного города или нежного триацетатного шелка?

Казалось бы, чего проще выбрать подходящее название из громадной сокровищницы русского языка? А если лень или фантазии не хватает, то и писатели и читатели охотно могут.

Разве не так?

Г. АММОН,
капитан 2-го ранга
г. Североморск.

НЕ ФОРМЫ РАДИ...

В пустынных песках Закаспия сражался до последнего патрона милиционер из Челекена А. Аннамамедов.

— Врешь, голыми руками не возьмешь! — кричал смелый джигит, прячась за барханы.

Но те двое тоже были люди не робкого десятка. Они подбирались все ближе и ближе.

В конце концов brave милиционер был повержен и взят в плен безоружными преследователями.

Тут нужно внести небольшое уточнение.

На сей раз Аннамамедов совершал не героический подвиг, а заурядное преступление и преследовали его с голыми руками не грабители, а инспектора рыбоохраны, потому как прежде чем открыть стрельбу по ним, Аннамамедов охотился на заповедного осетра.

Начальник Красноводской инспекции Евгений Пошивайло направил в Министерство охраны общественного порядка Туркмении два послания с подробным описанием сражения в песках. Недостающие художественные детали дополнила республиканская молодежная газета.

Но министерство гордо молчало, как и осетры, выловленные милиционерствующим браконьером.

У рыбных заступников в отличие от лесных дозорных формы все еще нет. И потому им гораздо хуже, чем милиционеру Аннамамедову. Тому во время исполнения своих основных (милицейских) обязанностей нет нужды доказывать, кто он и откуда. Мундир олицетворяет государственный закон.

Инспектору же приходится объясняться с браконьерами долго и трудно: окрику человека в штатском они подчиняться не хотят.

И пока так ведется, аннамедовы могут уверять сколько угодно, будто они не знали, что их преследуют инспектора. Дескать, принял их за грабителей, оттого и не подпускал ближе чем на пистолетный выстрел.

Сам министр рыбного хозяйства СССР товарищ А. Ишков еще в прошлом году на одном из совещаний сказал, что бесплатная форма инспекторам во как нужна, и пообещал их приодеть.

Но из одних обещаний мундир не сошьешь. Нужна еще и материя.

Впрочем, не обязательно покупать ее за счет государства. Пусть инспекторов одевают сами браконьеры. Ведь какой-нибудь десятой доли штрафов, которые с них взимают, вполне хватит, чтобы пошить шикарную форму с золочеными галунами в виде благородных осетровых голов на фоне частичковой рыбы.

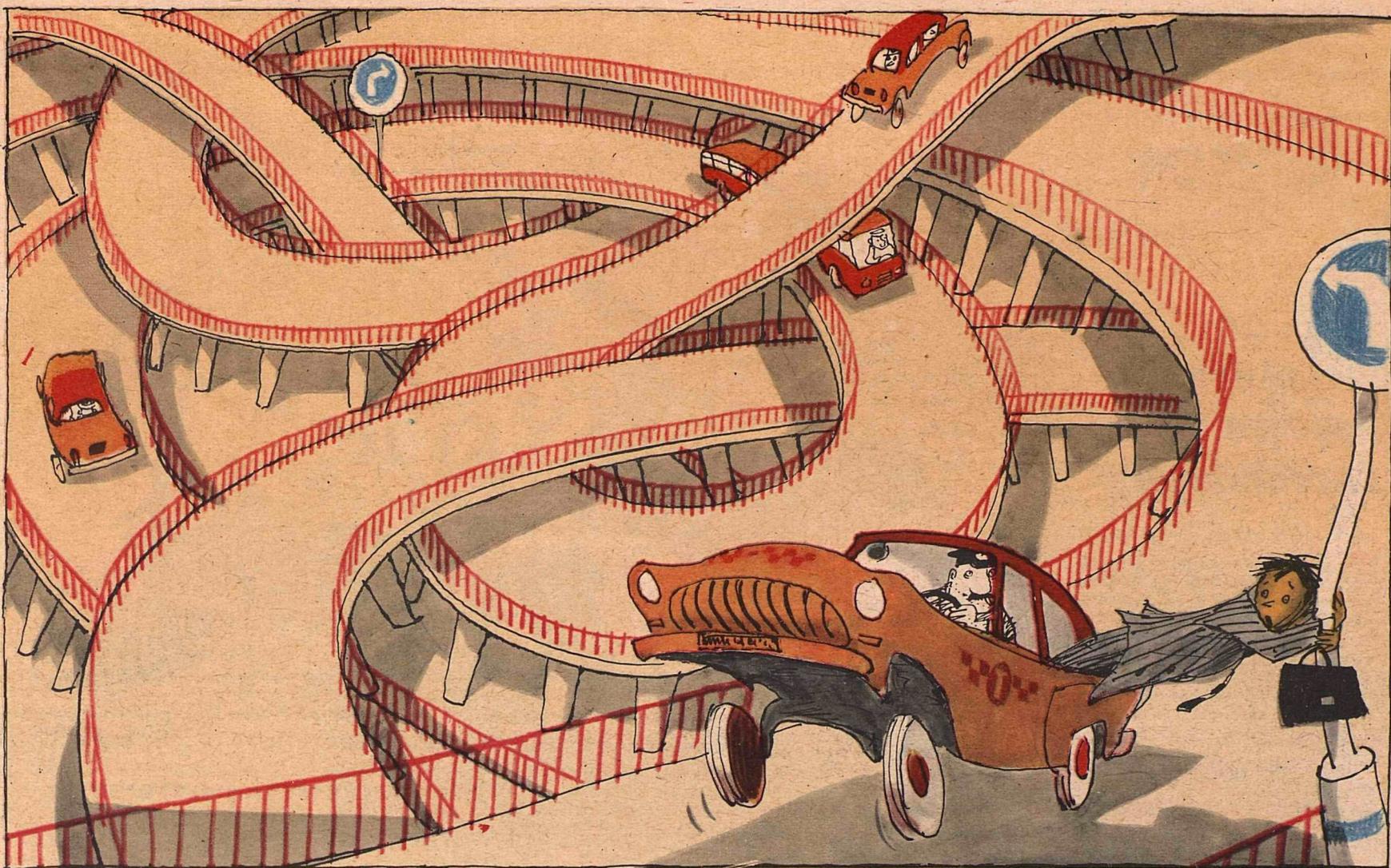
Можно и попроще. Без галунов.

В конце концов важна не форма, важно содержание.

Г. ЩЕГЛОВ

г. Красноводск,
Туркменской ССР.

— Остановитесь! У меня больше нет денег!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ОРУЖИЯ ЛЮБИМЕЙШЕГО РОДА

Александр НИКОЛАЕВ

Минул уже пятидесятый год,
а мы все повторяем то и дело:
«Застыла кавалерия острот»,—
хотя цитата явно устарела.

Обходятся войска без лошадей,
лишь в цирке жеребцы и кобылицы
под музыку танцуют для людей,
которые хотят повеселиться.

Их на маневрах не было уже.
Но, говорят, и там в часы бомбежки
частушки не смолкали в блиндаже
под смех
в сопровождении гармошки.

Работай, смех, не покладая рук,
сатира, бей прицельнее и рьяней,
поскольку рядом с нами и вокруг
и нынче есть немало всякой дряни.

С дороги прочь, зеленая тоска!
Мы сеем хлеб, летаем в космос,
строим...
Своих острот ракетные войска,
сатирики, ведите грозным строем!

И мы понять решительно должны:
как свет земле,
как парашюту стропы,
нам Гоголи и Щедрины нужны,
нужны нам Ювеналы и Эзопы.

Но мы не всех поставим в этот строй.
Остротами иного Ювенала
мы можем от бессонницы порой
лечить людей надежней люминала.

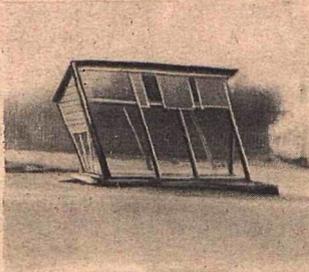
Не мне судить,
кто этому виной,
кто среди них великий, кто безликий,
а то, пожалуй, ринутся за мной,
поднявши рифм отточенные пики.

Все это намотав себе на ус,
я говорю, что с Пушкиным согласен.
Он заявлял: «...Прекрасен наш союз!»
Я повторяю: «Наш Союз прекрасен!»

Но жаль, что есть в Союзе ССР
подхалимаж, и грубость, и растраты,
что где-то притаились, например,
за громкими словами бюрократы.

Вот потому-то нам нужны пока
Эзопы, Ювеналы и так дале,
чтоб их острот ракетные войска
всю нечисть на планете доконали.

Я тем свою хочу окончить речь,
что нам сатира многих муз полезней
и нам сатиру надо уберечь
от сладких слов
и сахарной болезни.

Уникальное сооружение

Листал, листал я путеводитель по городу Ярославлю и ничего не понял. Строениям всего лишь XVI—XVII веков, но им там отводится изрядное место. А вот об одном, куда более древнем, — ни гугу.

Раздумывал я над этим, и вдруг меня поразила страшная мысль: вдруг об уникальном памятнике ничего не сказано потому, что какие-нибудь пошляки ухитрились его уничтожить? Весь похолодев, я схватил фотоаппарат, выскочил на улицу и побежал по линии автобуса № 13.

Домчался до угла улицы имени Слепнева, осмотрелся, и сразу отлегло от сердца. Стоит уникум! И по-прежнему углом наклона утирает нос пресловутой Пизанской башне. Причем стоит не зря — по идее служит павильоном для пассажиров автобуса.

Только пассажиры отчего-то не спешат под его кров. Наверное, из уважения к старине. Знают, что здесь когда-то останавливался рыдван не то боярина Повертай-Оглобли, не то думского дьяна Пустомели.

Заснял я этот дворец транспорта и снимок прилагаю в доказательство того, как бережно коммунальные и транспортные работники Ярославля относятся к древностям.

Молодцы!

Б. ИВАНОВ

г. Ярославль.

БЯКА

Родители были явно растеряны. Ведь наклейка Ленинградского завода резиновых изделий гласила, что игрушка называется не иначе, как «Зеленая мартышка». Однако девочка Танечка этого признать никак не хотела: она еще не умела читать.

— Бяка! — сказала девочка Танечка.

А в переводе на язык взрослых «бяка» — это значит халтура.

Н. ТАРАБАРИНОВ

г. Ленинград.

ВТОРАЯ СТИХИЯ

В марте 1963 года на улице Татищева в Астрахани устремились грузовики. Крупнопанельный дом № 43 был сдан под жилье.

В первые дни дом 43 усиленно слушал музыку. Окна были распахнуты настежь.

Затем музыка утихла, но окна все еще были распахнуты настежь: они не закрывались.

Каждый вечер в продуваемых ветром комнатах теснились вокруг приемников жители, нервно слушали диктора и теребили престарелых свекровей:

— Мама, как у вас с поясницей?

— Ломит маленько, — отвечала мама. — К дождю. А по радио что говорят?

— Кратковременные осадки.

— Ну, — говорил рассудительный свекор, — кратковременные нам нипочем. Пятому этажу все достанется, а мы на втором уцелеем. В низы не проникнет!

И действительно, в первые месяцы не проникало. Только сильные ливни насквозь промывали дом от пятого до первого этажа. В ливень жители 43-го дома зачехляли мебель клеенками, хватили детей и бежали жить к родственникам. Единственно, что в этом было приятно, — после ливня возвращаться домой. На лестницах совершенно не пахло кошками. Кошки боятся сырости.

Теперь надо сказать, до чего стоек и терпелив астраханский квартиросъемщик. Лишь в конце лета кто-то несмело выразил мысль, что так, граждане, жить невозможно. В результате родилось письмо. Писали товарищу Хозяинову, председателю облисполкома. Товарищ Хозяинов потрогал на столе чернильницу и задумался на год.

На другой год писали в горисполком. На третий — халтурщикам домостроительного комбината. Потом снова в горисполком и ЖЭК. Писали разное: и в ключе теплого лиризма, прилагая фотографии потерпевших с детьми на руках, и индивидуальные письма, и коллективно-гневные, с отказом вносить квартирную плату, — но все оставалось по-прежнему.

И лишь однажды какая-то комиссия появилась у стен. Члены комиссии долго осязали стену руками, наблюдая ржавый потек.

— Слабеет строение, — сказал один член ко-

миссии. — Сварные швы вода моет. Сквозь дом с крыши течет.

После этого комиссия взобралась на гнилую крышу и долго блукала там в зарослях сорных кретезионов гривастых и верблюдки толстянколистной.

Цокая языками и оглядываясь, комиссия канула в улицы. Ремонтники не пришли.

— Все! — сказал домовый активист. — Остался единственный шанс. Его надо ловить. Он сам не придет!

И на прилегающих к улице Татищева магистралях люди увидели упорную ловлю.

Впереди, большими прыжками джейрана, бежал человек с портфелем и в рыжей шляпе.

За ним толпой гнались жильцы 43-го дома.

— Товарищ! — кричала толпа. — Застрахуйте нам жизни и наше имущество! От стихийных бедствий! Мы просим!

— У вас не стихия, — кричал убегающий, — а варварский произвол!

— А мы чем виноваты? — кричали поотставшие свекрови и тести. — Приравнял бы, милоч!

— Не приравнивается! — с гордостью за стихийные бедствия отозвался агент госстраха. И вскочил в автобус.

А. МОРАЛЕВИЧ

— Я этого посетителя еще вот таким помню!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Дайте объявление!

Занимаюсь я на курсах иностранных языков. Приобрел «разговорные пластинки». Завожу радиолу и узнаю, что к комплекту пластинок полагается учебник. На следующий день после работы лечу в магазин грампластинок возле ГУМа. И тут выясняю, что пластинки продаются без учебников. Учебники надо искать в книжных магазинах.

Смотрю на часы. Время еще позволяет, здоровье — тоже, бегу на Кузнецкий мост. Нет. Направляюсь на улицу Горького в магазин «Дружба». Учебников тоже нет.

Нельзя ли у вас в журнале поместить объявление: «Имею разговорные пластинки по немецкому языку. Ищу обладателя учебника к этим пластинкам. Желательно блондинку?»

г. Москва.

В. ШУРЫГИН

НА СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

Михаилу ДУДИНУ

На старой фотографии,
Запечатлевшей нас,
На старой фотографии,
Где сняты мы анфас,
Две наши биографии
Ведут один рассказ.
Печальные горошины
В глазах — и взгляд не свой.
И кудри наши скошены
Машинкой нулевой.
И стриженные головы
Торчат, как два шара,
Как две пустыни голые —
Ни пуха, ни пера!
Жизнь начинала заново
Отсчитывать года...
Я покидал Иваньво,
Где жили мы тогда.
На службе на действительной
Не надобно кудрей.
Но было жаль действительно
До слез
Копны моей.
И ты, кому на службу
Еще не вышел срок,
Со мной не в службу — в дружбу
Переступил порог
Той комнаты, где властвует
Тройной одеколон,
Где мастера дела свои
Вершат...
И сел на трон.
И тут, борясь за качество —
Пощады не моли! —
Сняла девчонка начисто
Твои, потом — мои.
Густые, непокорные,
Ложились на полу
Пшеничные и черные —
И под одну метлу!
Мы вышли невесомые
В тот предвечерний час,
И девушки знакомые
Не узнавали нас.
Нездешние и новые,
По улице одни
Мы шли, круглоголовые,
В неведомые дни.
И с этой фактуройю,
Сощурив левый глаз,
Фотограф с шевелюройю
Снял безволосых нас.
Какие годы прожиты!
Какой за нами путь!..
А для меня все тот же ты,
Похож и я чуть-чуть.
Мы шли, огнеупорные,
И время шло вослед,
Пшеничные и черные
В один покрасив цвет.
Пусть наши биографии
Шагали вразнобой,
На старой фотографии
Мы молоды с тобой.
Быть может, пустяковая
История... Пусть так.
Но утверждаю снова я,
Что дружба — не пустяк!

НО ТРИЖДЫ НЕ ТЕРПЛЮ...

Я не люблю очередей,
Хоть очередь не то, что давка.
Мне жаль томлящихся людей
У равнодушного прилавка.
Смирившись с участью такой,
Взвалив на плечи это бремя,
Стоят себе, махнув рукой
На убегающее время.
Я не люблю очередей,
Особенно мне жаль бывает
Себя, старушек и детей...
А очередь не убывает.

Дружеский шарж
Н. Лисогорского

Я не люблю очередей —
За фруктами или отрезом...
Но трижды не терплю людей,
Тех, что без очереди лезут.

ПОД НАШЕЙ СТАРОЮ ЛУНОЙ

Песенка

Под нашей старою луной
С тобой нам вышло встретиться.
А шар земной,
А шар земной
Все вертится и вертится.

Моя любовь всегда со мной,
Она — моя советчица.
А шар земной,
А шар земной
Все вертится и вертится.

Но ты проходишь стороною,
Мой дом напрасно светится.
А шар земной,
А шар земной
Все вертится и вертится.

Ничто не вечно под луной,
Но в старость мне не верится.
А шар земной,
А шар земной
Все вертится и вертится.

То солнце встанет надо мной,
То Малая Медведица...
А шар земной,
А шар земной
Все вертится и вертится.

Стучат часы в тиши ночной,
И в наше счастье верится.
А шар земной,
А шар земной
Все вертится и вертится.

ТРИНАДЦАТЬ

Как для кого, а для меня
тринадцать —
Везучее и щедрое число.
В приметы я не верю,
но, признаться,
С числом «тринадцать»
мне всегда везло.

Начну с того,
что я стал человеком
По данным моего календаря.
В тринадцатом году,
В начале века,
Тринадцатого января.

Была зима холодная в Одессе,
Я ничего еще не понимал,
А город был торжественен и весел —
Он кубок новогодний поднимал.

Качали берег волны штормовые,
И пело море «баюшки-баю»...
В тринадцать лет
влюбился я впервые
В учительницу школьную мою.

Я был счастливецом
в этом трудном мире,
Спал на траве, из речек воду пил.
Я в детстве жил
в тринадцатой квартире,
В тринадцатую школу я ходил.

Из обжитого солнечного рая
В кромешный ад я не однажды лез.
Я умирал двенадцатого мая,
Тринадцатого мая я воскрес.

На мне, друзья, счастливая сорочка,
Везучее число, приди скорей!..
Жаль, у меня
всего одна лишь дочка,
А надо бы тринадцать дочерей!

И жизнь одна.
И надобно дружить с ней
И за весною праздновать весну.
А хорошо б иметь
тринадцать жизней...
Благодарю покамест за одну!

В ЛУЧШЕМ СВЕТЕ

Как мы порой себя не видим,
Хотя и пристально глядим!..
Зря мы кого-то вдруг обидим,
Себя в обиду не дадим.

Тот — поседел,
Та — потолстела,
Манеры той — нехороши.
У этой вот — душа без тела,
У той вот — тело без души.

А этот делает карьеру,
Тот не упустит новый чин.
Себе же о себе, к примеру,
Мы незаметно промолчим.

Нам нипочем свои седины,
Свои морщины — вне игры.
Придерживаясь середины,
Мы снисходительно добры.

Себя мы видим в лучшем свете,
Свои грехи — нам не грехи.

Я прочитал вчера в газете
Плохие — не свои! — стихи.

— В ваш магазин свитеры шерстяные завозили?
 — Да, завезли немного...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Критическая эдажерка

ЖИЗНЕННОСТЬ ПОТЕРТА...

Дружба моя с Лешей завязалась в фойе кинотеатра. До начала сеанса нам показывали какой-то научный мини-фильм из жизни червячков. Оказалось, Леша смотрел червячков уже в пятый раз, так как их «дают перед каждым сеансом», а он ходит в кино не реже раза в неделю. Почти как я.

Несмотря на пустячную разницу в несколько десятков лет, дружба завязалась. Разговорились. Спрашиваю, смотрел ли он «Гром небесный», а он мне этак сверху вниз, небрежно:

— С Габеном? Как же! Это там, где жизнь, не растворив его, перецентрируется со включением?

— Не растворив кого? — испугалась я.

— Да его, большого Габена с белым бешенством. Что вам сказать?

Прозаично и фактурно. Впрочем... намечается идейно-сюжетная константа. — Тебе не понравилось? — пыталась я догадаться.

— Отчего же? Без комплексов. Весь здоровый. Только как бы вам объяснить, уж очень точна пригнанность интриги с этой, как ее... убежденной, последовательной вненатуральностью.

Я отшатнулась, а Леша отер пот со лба и продолжал тараторить:

— Конечно, в вещах более позднего периода есть тончайший зазор между стремительной каноничностью приключения и ритмом картины.

Я обратилась в бегство.

— Но... — вопил Лешка, догоняя, — но у актера есть железность! Он, понимаете ли, не дает к себе пристроиться, определить себя, засунуть в какую-

то объясняющую клеточку... (Боже, засунуть в объясняющую клеточку?! Вон мой автобус, еще успею...) Один из вариантов бытовой и искажительной адаптации сильного человека, который никогда не проходит по касательной, даже если дробный, сложный мир историчен... Как там дальше? Герой с чисто фольклорной конкретностью идет «на вы», персонализируя силы в лицах. Он выметан...

Я вскочила в автобус и поехала... совсем не в ту сторону, куда надо.

Бедный Леша! Он прочел книжку «Жан Габен» И. Соловьевой и В. Шитовой (серия «Мастера зарубежного киноискусства», издательство «Искусство», 1967). Что его ждет?

А ведь неплохая серия! Издана со вкусом, иллюстрирована богато. И чи-

тать не скучно. В книжечке о Габене — интересные факты. Но ведь надо же! Кое-где авторы возьмут да вдруг огреют простодушного читателя по голове:

«...дежурных типов, чья первичная, когда-то существовавшая жизненность потерта до превращения в ампула...»

Тут есть отчего окосеть. Жизненность потерта... Плохо дело!

— Ничего-то вы не понимаете, — пробрюзжал знакомый критик! — это же специальная терминология. Для киноведов написано.

Проверим выходные данные книжечки: тираж 100 тысяч. Неужели в стране такое изобилие киноведов, киноученых, кинонедоучившихся? Как-то не верится.

Р. ЕВГЕНЬЕВА

Если будут деньги...

Весть о моей служебной командировке за границу в течение двадцати четырех часов стала достоянием всех моих родственников, друзей и знакомых.

— Говорят, ты летишь за границу? — спросил меня шурин и, не дожидаясь ответа, продиктовал: — Если у тебя будут деньги, привези мне набор рыболовных крючков пооригинальнее! Вместо сувенира! Запиши, пожалуйста, и не забудь!

Я записал.

Вечером заскочил на минуточку брат.

— Слушай! — сказал он категорическим тоном. — Ты едешь за рубеж. Так вот, если у тебя будут деньги, купи мне несколько пакетов почтовых марок. Сейчас я собираю всю Южную Америку, так что учти...

Я учел.

— Дядя Шура! — прошептала мне на ухо племянница. — Привези мне маленький сувенир, если у тебя будут деньги...

— Что ты называешь сувениром? — осторожно поинтересовался я.

— Твердую пудру! — решительно ответила племянница. — Крем-пуф! Только обязательно цвет загара!

— Если у вас будут деньги, — выдавила из себя наконец за ужином теща, — то привезите мне флакон серебряной краски для волос. Я многого не прошу! — добавила она, бросая многозначительный взгляд в сторону моей жены.

— Что вам привезти, если у меня будут деньги? — неожиданно для самого себя спросил я у пограничника, поставившего штамп в моем заграничном паспорте.

— В любом случае привезите самого себя в добром здравии! — не долго думая ответил пограничник.

Благополучно распрощавшись с провожающими, я прошел в зал ожидания. Здесь я мог спокойно собраться с мыслями и прочитать записку, сунутую мне на ходу в карман плаща другом детства, с которым я не имел счастья видеться последние семь лет.

Записка начиналась словами: «Дружище! Если у тебя будут деньги...»

Деньги у меня были. Суточные. В иностранной валюте. Я мог их тратить по-своему усмотрению. Я не должен был отчитываться за них перед бухгалтерией моего учреждения. Я должен был на них жить: завтракать, обедать, ужинать...

В первый же вечер моего пребывания в чужой стране я самым бессовестным образом съел набор рыболовных крючков и запил их серебряной краской для тещиных волос.

Утро следующего дня я начал с того, что закурил твердой пудрой и нейлоновым ремешком для часов двоюродной сестры моей жены.

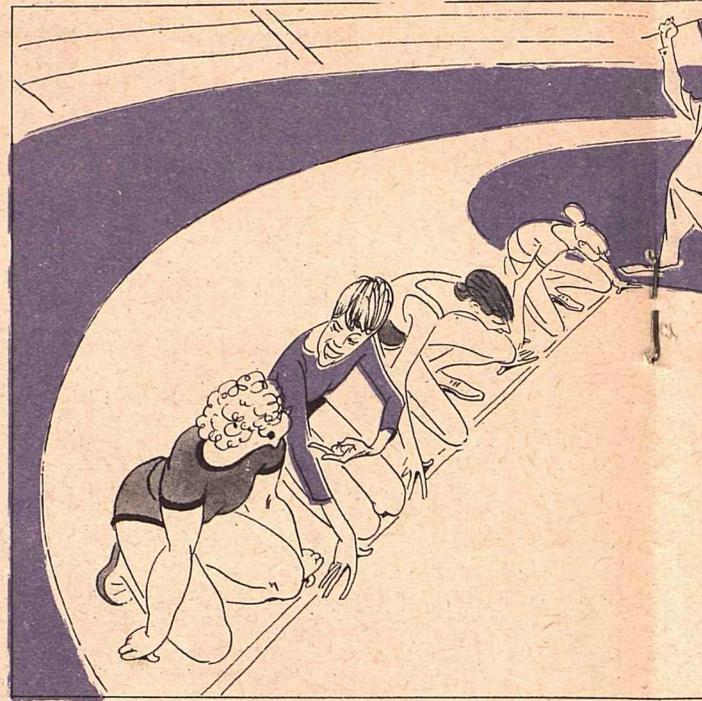
Днем я съел пять недорогих шариковых ручек и набор марок Чили. Вечером я подкрепился... Короче говоря, в течение двух недель я безрассудно питался сувенирами, поочередно вычеркивая их из длинного списка «мелочей», которые должен был приобрести, если у меня будут деньги. Я не участвовал в ограблении национального банка, не получал наследства от американского дядюшки и не пытал счастья игрой в рулетку. Поэтому уже перед самым вылетом домой я на оставшиеся центы смог приобрести только ошейник для моей собаки.

В день моего отъезда, застенчиво виляя хвостом, она смотрела на меня таким печальным, бескорыстным взглядом...

Моменталист.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

— Потому ешь три я сахара...

Рисунок А. К.

Н О В О Е В С П О Р Т Е

— Бегает он хорошо, но в душе все-таки городошник!

Рисунок Г. ИОРША

Итак, все решено, дорогие читатели и уважаемые судьи. Свое мнение о коротких рассказах, присланных советскими участниками конкурса, а также из Болгарии, США, Франции, Чехословакии и напечатанных Крокодилом в 1967 году, высказали члены самого представительного жюри: библиотекари и машинисты, инженеры и преподаватели, лаборанты и медицинские сестры, изыскатели и редакторы стенных газет, бухгалтеры, сельские механизаторы, домашние хозяйки...

Они подали свой авторитетный голос из Москвы, Ленинграда, Таллина, Киева, Владивостока, Баку, Вильнюса, Чирчика, Ужгорода, Йошкар-Олы, Ташкента, Риги, Сева-

стополя, Петроп-

щем, со всех ко
Крокодил при
вы читателей. И
двенадцати буд
ска. И соображ
профессиональн
№ 22 из г. Кимр
служащих из У
единого рассказ
мейном совете
Тенгиза, Феридь
москвича Гусев
учтен его голос.

Все учтено, д
вы результаты.

Убийцы и леденец

На этой картинке вьетнамский ребенок с протянутой рукой спрашивает: «Что ты мне принес?» Плакатик появился не в коммунистическом «Уоркере» или в другом периодическом издании, отстаивающем мир, но в «Авиэйшн уик» — специальном американском техническом журнале. Картинка, которую вы видите, не что иное, как реклама, оплаченная убийцами детей.

Текст гласит: «Самый маленький вьетнамец в состоянии понять: там, где он живет, происходит что-то ужасное. Он еще слишком мал, чтобы понимать причины войны, но он знает, что некий друг спускается с неба, чтобы навестить его... И каждый раз, когда приземляется вертолет фирмы «Боинг», мальчик жалобно спрашивает: «Что ты мне принес?» В этот раз вертолет доставил жителям деревни продукты, а малышу — леденцы».

Ну, не «боинг», а ангел непорочный, ангел лучезарный! Не напоминает ли это вам старый плакат: «Доверьтесь германской армии»? Рек-

лама, которую вы сейчас видите, внушает нам, что янки тоже вежливые, корректные завоеватели.

«Вот иная сторона войны во Вьетнаме,— заходит автор рекламного текста. — Эта война приносит с собой не пули и бомбы, а продукты, теплые слова и надежды. И это благодаря вертолетам, выпускаемым фирмой «Боинг». «Иная сторона» войны... Еще в конце 1966 года число школ, разрушенных «боингами» в Северном Вьетнаме, достигло трехсот девяноста...»

Кстати сказать, «Боинг компани» довела свои прибыли от войны во Вьетнаме до такой высокой нормы, что чикагские гангстеры бледнеют от зависти.

— Что ты принес? — спрашивают маленькие вьетнамцы.

— Вам, детки, смерть. А фирме «Боинг», слава богу, солидные дивиденды.

Перевел с французского Н. Томашевский.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

— Пару слов, сэр, о нашей миролюбивой внешней политике.

Рисунок М. УШАЦА

Почему? А вот почему...

Одну из своих недавних передач «Голос Америки» начал примерно так:

— Действительно, волнения негритянского населения в США имели место. Действительно, против восставших были брошены войска. Действительно, регулярные. С пулеметами и танками. Из песни слова не выкинешь — все было.

А дальше цитирую «Голос» дословно:

«ПРИЧИНЫ РАСОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ НЕ ЯСНЫ И ТОЧНО НЕ УСТАНОВЛЕНЫ... ВСЕ УВИДЕЛИ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ЧТО-ТО ИЗ РЯДА ВОН ВЫХОДЯЩЕЕ, НО ПОЧЕМУ ПРОИЗОШЛО, НИКТО НЕ ЗНАЕТ».

И я подумал: а вдруг и вправду сотрудники «Голоса» не знают причин? Мало ли, может быть, по причине служебной суеты им некогда пораскинуть мозгами и заглянуть в корень событий. Короче говоря, я решил вам помочь, господа из «Голоса Америки».

Мистера Хьюза знаете? Совершенно верно. Хьюз — губернатор штата Нью-Джерси. Совсем не красивый и даже не розовый. Так вот, м-р Хьюз, воздадим сразу же должное его сообразительности, выступая на пресс-конференции, заявил: «Причина волнений — экономическая нищета негритянского населения».

А вот какое признание сделал Джером Кэвней. Тоже известная в Америке фигура. И тоже даже не розовый. М-р Кэвней — мэр Детройта, весьма информированный по данному вопросу человек, особенно если принять во внимание, что Детройт был одним из центров недавних бурных событий. «Причины восстания,— подчеркивал м-р Кэвней,— в равнодушии конгресса и отсутствии у него контактов с неимущим негритянским населением». Очень дипломатично. Но, в общем, вполне понятно: американскому конгрессу не до двадцати миллионов американских граждан, раз эти граждане — негры.

Еще, господа редакторы «Голоса Америки», вы подхватили престарую и зело духовитую утку о том, что, мол, в волнениях виновны некие пришлые агитаторы. Конечно, красные. А известно ли вам, что говорил об «агитаторах» мистер Катценбах, бывший министр юстиции, ныне заместитель государственного секретаря США? В подкомиссии сената он сказал, что «агитаторы, вызывающие волнения американских негров, хорошо известны. Это болезни и отчаяние, безработица и безнадежность. Это жилища, которые полны крыс. Эти источники,— уточнил м-р Катценбах,— не связаны ни с коммунистами, ни с черными националистами».

Как видите, господа, причины национального восстания негров, охватившего кварталы 109 американских городов, достаточно известны и вполне ясны.

Если вам, господа из «Голоса Америки», еще что-нибудь не ясно, ну, скажем, вы затрудняетесь нащупать причины неудач американских интервентов во Вьетнаме или вам не ясны корни нынешних студенческих волнений в США, то я всегда к вашим услугам.

Примите и проч.

КРОКОДИЛ

— Что, у нас опять переворот ожидается?

Рисунок Бориса ЛЕО

ОХ, УЖ ЭТОТ ВЕНЕРАНДА!

Почему и как родился синьор Венеранда?

«Потому что мне каждую неделю приходилось сочинять рассказ для сатирического журнала», — вспоминает известный итальянский писатель-юморист Карло Мандзони.

Наделенный тонкой наблюдательностью и, что немало важно для юмориста, чувством юмора, Карло Мандзони сумел создать персонаж типично итальянский и одновременно вполне универсальный. Предельно ограниченный, самодовольно-глупый, синьор Венеранда до того нелеп и абсурден, что кажется... взятым из жизни. Да и в самом деле, разве вам самим не случалось встречать человека, похожего на желчного и нервного героя книги Карло Мандзони «Пятьдесят стычек с Венерандой»?

Вот три рассказа из этой книжки.

У ЗУБНОГО ВРАЧА

— Откройте рот, — сказал синьору Венеранде зубной врач.

— Охотно, — ответил Венеранда. — А глаза закрыть?

— Как хотите, — сказал врач. — Мне это безразлично.

— Прекрасно. Значит, вы не будете возражать, если я закрою один глаз?

— Дело ваше, — сказал зубной врач.

— А какой именно? Правый или левый? Пожалуй, лучше я сначала закрою левый, а потом — правый. Ладно?

— Для меня главное, чтобы вы рот пошире раскрыли, — буркнул зубной врач, явно теряя терпение.

— Рот-то открыт легче легкого. Я это сделаю с величайшим удовольствием. Я ведь пришел сюда не спорить, а лечиться. Вы врач, и любое ваше слово для меня закон. Я все делаю, как вы велите. Если вы пожелаете, я могу и ногу поднять. Вот так. — И он поднял ногу. — А если вы скажете, что это не нужно, пожалуйста, я ее опущу. — И он опустил ногу.

— Черт побери! — вне себя от ярости завопил врач. — За кого вы меня принимаете? За круглого идиота?! Убирайтесь вон!

Венеранда вскочил и устоял на ногах в полнейшей растерянности.

— Ничего не понимаю, — пролепетал он. — Я пришел вырвать зуб. Вы мне сказали «откройте рот» — я открыл, велели закрыть глаза — я закрыл. И вдруг вы ни с того ни с сего начинаете кричать, ругаться. Не знаю, найдется ли еще один столь же

терпеливый пациент, как я. Если бы вы велели мне помыть лицо, остричься наголо, почесать колено, я бы тоже не стал возражать. Но кричать на себя я не позволю!

С этими словами Венеранда схватил шляпу и вышел, громко хлопнув дверью.

С этими словами Венеранда схватил шляпу и вышел, громко хлопнув дверью.

терпеливый пациент, как я. Если бы вы велели мне помыть лицо, остричься наголо, почесать колено, я бы тоже не стал возражать. Но кричать на себя я не позволю!

С этими словами Венеранда схватил шляпу и вышел, громко хлопнув дверью.

КТО ГОВОРИТ!

Венеранда поднял трубку и спешно набрал номер телефона.

— Алло, алло!

— Алло, кто говорит? — отозвался чей-то незнакомый голос.

— Я, кто же еще! — ответил Венеранда. — Ведь это я набрал номер телефона, а не синьор Акилле.

— При чем здесь синьор Акилле? Я вас спрашиваю, кто вы такой?

— Вы что, собственно, хотите узнать? Кто я такой или кто говорит?

— Кто говорит?

— Говорим мы оба — вы и я. Ведь вы тоже не модчите, не так ли?

— Так! — закричал незнакомец. — Но я хотел бы знать, что вам от меня нужно?

— Мне от вас? Ровным счетом ничего. — Я даже не знаю, с кем говорю.

— Но я, похоже, говорю с невежей.

— Как вы смеете меня оскорблять?! Не понимаю, зачем истерики ставят себе телефон. Поставили бы лучше вторую вешалку. Та, по крайней мере, всегда молчит и не...

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

Но тут в трубке послышались частые гудки. «Разъединили», — решил Венеранда и стал лихорадочно набирать тот же номер.

НОСОВОЙ ПЛАТОК

Едва Венеранда вошел в магазин, к нему подскочил продавец.

— Что угодно синьору? — спросил он с профессиональной улыбкой.

— Дайте мне носовой платок.

— Сию минуту. Какой желаете — желтый с мережкой, белый, бледно-голубой в полоску?

— Не беспокойтесь. Мне подойдет любой, — сказал Венеранда, беря платок и шумно сморкаясь. — Спасибо.

— Извините, синьор...

— О, не за что.

— Да... но вы меня не так поняли, — пробормотал продавец. — Вы, синьор, высморкались в наш носовой платок.

— А по-вашему, я должен был высморкаться двумя пальцами?

— Нет, но теперь вы обязаны купить этот носовой платок.

— Обязан?! Почему вдруг? Он мне абсолютно не нужен.

— Как не нужен?! Вы же сами попросили у меня носовой платок.

— Конечно, чтобы высморкаться. А вы что, не пользуетесь носовыми платками?

— Я их продаю, — зло буркнул продавец.

— И очень хорошо делаете. Но простите за нескромный вопрос: если вам на работе нужно будет высморкаться, как вы поступите?

— Я сморкаюсь не...

— Не в носовой платок? Ну, знаете, вы большой оригинал.

Венеранда повернулся и решительно направился к выходу.

◀ СРЕДИ ПОДХАЛИМОВ
— Не правда ли, наш Иван Петрович — превосходный человек и отличный руководитель?
— Погромче! Он плохо слышит...

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

НЕ ВЪРУБИШЬ ТОПОРОМ

«Разболтанный автобус этот был до отказа набит воскресными мужиками и бабами».

г. Тула.

«Молодой коммунар».

«...Автоматы не работали из-за недостатка углекислоты, выделяемой Министерством торговли УАССР».

г. Сарapul,
Удмуртской АССР.

«Красное Прикамье».

«За это время здесь подготовлено свыше 12 мастеров спорта...»

«Советский спорт».

«Столичные торпедовцы известны нам, как одна из самых «трудных» противников наших футболистов».

Из программы стадиона «Динамо»,
г. Куйбышев.

Ход сайгаком

«По заключению научных учреждений число антилопы сайги в 1966 году по сравнению с 1965-м уменьшилось примерно на 300 тысяч голов... Браконьеры нанесли охотничьему фонду республики ущерб на сумму около 300 тысяч рублей. При производстве охоты использовалось более 300 грузовых автомашин, много машин специального назначения и тракторов».

(Из докладной записки республиканской прокуратуры Совету Министров Казахской ССР).

Браконьер, как видите, пошел теперь механизированный. К тому еще — большого чина-звания. Его голый рукой не возьмешь. Встревоженный этим обстоятельством, заместитель начальника Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров Казахской ССР Ю. А. Смирнов ударил в набат: «В хищническом истреблении диких животных участвуют и те лица, которые по долгу службы обязаны быть организаторами охраны природы».

И это чистая правда! Подтвердим ее конкретными фактами.

...В сайгачьей пустыне Бетпак-дала общественные охотинспектора заметили видного мужчину, который пулял по антилопам почем зря. И не первый раз. Заподозрили: браконьер.

Стрелок усмехнулся и сунул бдительным инспекторам под нос лицензию.

— Веду заготовку сайгаков для научных целей. Ищу пути обогащения степной фауны.

Общественники взяли под козырек.

— Извините, товарищ академик!

Между прочим, «академик» оказался заместителем начальника курортного управления Киргизской ССР Г. Н. Чаусом. Лицензию на отстрел сайгаков выдал ему Ю. А. Смирнов (тот самый!). Чаус не остался в долгу: презентовал Юрию Александровичу три путевки (на льготных условиях, конечно) в дом отдыха, расположенный у киргизского синего моря Иссык-Куль.

Пальнуть по сайгаку не прочь и работники Института зоологии Академии наук Казахской ССР. Они тоже охотятся исключительно в научных целях. В конце прошлого года зоологи отстреляли сто сайгаков, привезли туши в Алма-Ату, обследовали (упитанность, половой и возрастной состав), а затем... съели. Впрочем, ели не все служащие и рабочие института, а только сотрудники лаборатории, которой руководит А. А. Слудский.

Кто получил две туши, кто три, а кто и четыре. Смотря по количеству едоков в семье. Бесплатно. И с доставкой на дом.

Конечно, отстрел дичи в научных целях необходим. Но как раз незадолго до этого охотники-промысловики отстреляли по заданию института 2750 сайгаков. Зоологи обследовали туши на месте и затем сдали на приемный пункт Бетпакдалинского охотничьего хозяйства. Почему же сто туш повезли для обследования в Алма-Ату? Неужто упитанность антилоп сподручнее определять за обеденным столом?

И еще раз было отстреляно сто сайгаков по лицензии, выписанной Ю. Смирновым. Эту сотню распределили среди работников управления. Не забыли и начальника отряда по борьбе с браконьерством Ф. Р. Гришай, а также А. А. Слудского. И тот и другой получили по антилопе. За спасибо. Туши были доставлены непосредственно к домашнему очагу.

Как-то работники охотинспекции и милиции задержали с большой добычей (39 фазанов и 2 косули) профессора Алма-атинского зооветеринарного института А. К. Рослякова и заведующего кафедрой того же института М. А. Алетова. Нарушители охотничьего кодекса (за одну охоту запрещается добывать более 3 фазанов, на отстрел косуль нужна лицензия)

были оштрафованы на 366 рублей.

Но платить ничего не пришлось. Ю. Смирнов, разбивший эту историю, властью, данной ему государством, снял штраф с ученых охотников.

Для столь милостивого шага у Юрия Александровича были веские основания. В последнее время он всерьез занялся научной деятельностью. Его перу принадлежит солидная диссертация «Влияние охоты на охотничье-промысловую фауну Казахстана». Кое-какие данные для труда Ю. Смирнова (охотничье хозяйство в дореволюционный период) добыли работники госархива. Для этого им пришлось пориться в старых делах. Труд их не пропал даром: Главное управление выплатило 300 рублей, Юрий Александрович добавил от себя двух сайгаков. Вскоре ученая работа вышла в свет.

Справедливости ради следует отметить, что ценность архивных изысканий уступала качеству сайгачьей свежатины. Иначе как бы попали в реферат такие откровения:

«Он (охотник) сам рассказывал, что с тиграми прямо боролся и давал им драть себя. Тигр его дерет, а он знает свое дело делает — брюхо ему порет или ножом под лопаткой шарит»...

Невольно воскликнешь: «Да, были люди в наше время!»

«Влияние охоты на охотничье-про-

мысловую фауну Казахстана» получило положительные отзывы некоторых алма-атинских ученых.

«Диссертация, несомненно, представляет большой научный и практический интерес» (кандидат биологических наук М. А. Алетов, тот самый, что застрелил 39 фазанов и 2 косули).

«Юрий Александрович выполнил во всех отношениях хорошую работу» (профессор А. К. Росляков, компаньон Алетова по браконьерству).

Похвальное слово диссертанту молвил и ученый А. А. Слудский (получивший от соискателя в подарок немало сайгаков).

К сожалению, в бочку благоухающего меда попала ложка дегтя. Плеснул ее доктор биологических наук Г. А. Новиков (Ленинград). Дескать, новых, оригинальных фактов, установленных самим автором и свидетельствующих о его творческих способностях как полевого или лабораторного исследователя, в книге нет совершенно. Более того, даже при изложении данных других авторов и анализе цифровых материалов Ю. А. Смирнов обнаруживает крайне слабую специальную подготовку и недостаточно высокий общенаучный и культурный уровень.

Эх, не сориентировался вовремя Юрий Александрович! Постеснялся послать в Ленинград пару сайгаков. Не помогло бы, но риск-то был невелик...

Впрочем, ученый совет Алма-атинского зооветеринарного института не вял гласу иногороднего оппонента. Мы, мол, сами с усами. Знаем, почем фунт даровой сайгачины.

Теперь дело за ВАКом. Утвердит ВАК решение иного совета или нет? Этот вопрос сильно волнует тов. Смирнова.

А что, Юрий Александрович, если снова испробовать испытанный ход сайгаком?

А. ОМЕЛИН.

г. Алма-Ата.

БАБУШКА МАТРЕНА ЗАКАЛЯЕТ НЕРВЫ

Анастасия Семеновна Чурекова нежно любила свою маму. На праздники она приносила маме астры, а в остальное время года любимое ее лакомство — ванильную халву. Два раза в сутки говорила она матери о своей беспредельной любви.

— Всех ты мне дороже, мамочка, — напоминала она ей утром, кушая кефир с бубликом. — Не забудь, родная, искупать детей и вымыть полы. А на обед сварить борщ, Василий Тимофеевич любит его.

— Только чтоб без этих самых... без помидоров, — предупреждал Василий Тимофеевич.

Второй раз Анастасия Семеновна говорила о любви вечером, закручивая на ночь волосы.

— Если б ты знала, как я скучаю по тебе весь день! — И, зевнув, прибавляла: — Будь добра, погладь сейчас рубашки. Василий Тимофеевич не любит, когда мятые.

Словом, на судьбу Матрена Кандиевна не жаловалась. И ласковые слова слышала она дважды в сутки и ванильную халву ежемесячно ела. А что по хозяйству хлопотать много приходилось, так ничего не поделаешь. И дочь и зять работают, а детей как-никак трое. А она привычная за детьми ходить, двоих без мужа вырастила. Иногда, правда, брало ее сомнение: домашняя-то работа не записывается в трудовую книжку, а без стажа кто пенсию даст?

— Нашла о чем беспокоиться! — успокаивала ее Анастасия Семеновна. — Да я тебя так люблю, что и никакой пенсии тебе не понадобится. Будешь в старости чай с халвой пить да на колесе обозрения кататься. А сейчас, родная, затопи, пожалуйста, печь, а то холодно что-то. Василий Тимофеевич не любит, когда холодно.

— Бр-р! — подтверждал Василий Тимофеевич.

Шли годы. Построили в городе Камышине это самое колесо, на котором должна была кататься Матрена Кандиевна. Внуки повзростали, купать их теперь не надо было — сами в баню ходили. Не могла налюбоваться ими бабушка Матрена. Сидит себе на крыльце и любит, сидит и любит. Работать ей теперь было трудно: восьмой десяток разменяла.

— Ты чего сидишь все? — спрашивала Анастасия Семеновна. — Василий Тимофеевич не любит, когда сидят.

— Не люблю, — подтверждал Василий Тимофеевич. — Ох, не люблю.

Распорядок дня у Анастасии Семеновны изменился. Она уже не говори-

ла два раза в сутки о своей беспредельной любви. Зачем, посудите сами, говорить, когда старуха даже полы вымыть не в состоянии?

Обидно стало Анастасии Семеновне и Василию Тимофеевичу. Раньше бабка и готовила, и стирала, и за детьми смотрела. Ну, конечно, и ели все вместе. А теперь не делает ничего, на крыльце сидит, а ест по-прежнему. Как утро — так ест, в полдень тоже ест, а вечером еще и ужинает. Даже, кажется, сахару употреблять больше стала.

— Ты, теща, сахару не того, — сказал раз Василий Тимофеевич. — А то зубы повываливаются.

— А ничего, — успокоила Матрена Кандиевна. — Они уж повывалились.

— Все равно, — пробурчал зять. — От сахара плоскостопие развивается. И вообще жрать меньше надо.

Горько стало Матрене Кандиевне. Вышла она из-за стола.

— Мама отдельно хочет питаться, — тотчас догадалась Анастасия Семеновна. — Так оно и лучше, прав-

да, мамочка? Сейчас сбегая на почту, пошлю тебе денег на месяц. Будешь сама себе хозяйка — что хочешь, то и купишь. Захочешь индейку — пожалуйста индейку. Захочешь халвы ванильной — пожалуйста халвы.

— А зачем же на почту? — удивилась Матрена Кандиевна.

— Ну как же, вдруг ты жаловаться вздумаешь, что тебе дочь не помогает. А у меня документик, квитанция.

Пошла Анастасия Семеновна на почту и послала матери месячное содержание. Четыре рубля девяносто копеек. Пусть кушает мама индейку и халву ванильную.

Получила Матрена Кандиевна содержание и обрадовалась, как же теперь жить. Растолковали ей добрые люди, что дочь обязана кормить ее, и если она не хочет делать это добровольно, то ее заставят через суд. Обратилась бабушка Матрена в суд, и там присудили Анастасии Семеновне алименты — двадцать пять рублей. Учили, что нет у старухи нико-

го, кроме дочери Чурековой.

Рассерчала тут дочь Чурекова.

— Тунейдка! — кричит. — Не работаешь, а ешь! Выселить бы тебя куда подальше!

Потом смиловалась, разрешила остаться в Волгоградской области. Но при одном условии — что пойдет она в дом престарелых.

— Там хорошо, — говорит, — гречневой кашей кормят. До осени срок даю. Не оформишься — живи, где хочешь.

Но скоро разговоры о доме престарелых пришлось временно прекратить: Матрену Кандиевну положили в больницу. Пролетала она в больнице месяц. Анастасии Семеновне не терпелось, конечно, напомнить матери о доме, где гречневую кашу дают, но для этого надо было идти в больницу. А ведь с пустыми руками не пойдешь: неудобно. Хотя бы пряник понести надо. Но с какой это стати понесет она матери пряник, когда та алименты получает? Словом, не пошла, дождалась, пока выпишется мать.

Летом в доме был ре-

монт. Ремонт кончился, внесли Чурековы вещи в квартиру. Не все вещи. Кровать, керогаз и тумбочку на дворе оставили.

— Это, — сказала Анастасия Семеновна матери, — твоя мебель. Будешь жить здесь, пока в дом престарелых не возьмут.

— А коли дождь? — Дождь начнется — под зонтом посидишь. Ну, в крайнем случае в кухне переночуешь.

Сидит бабушка Матрена у керогаза, жарит рыбку и думает свою думу. Негоже, думает, к матери так относиться. А дочь грозит: где говорит, жить будешь, как холода начнутся? А откуда Матрена Кандиевна знает, где она жить будет?

Пойду, решила, в милицию, узнаю у них. Не замерзает же в самом деле на улице.

Приходит в милицию, объясняет все дежурному товарищу. Не поможете ли, дескать?

— А она что, бабка, лупит тебя? — спрашивает дежурный товарищ.

— Как можно! — говорит Матрена Кандиевна. — Она у меня сознательная. Партийная она. И медучилище кончила.

— Ну, коль не лупит, так и жаловаться нечего. А что во дворе живешь, так это ничего. Свежий воздух нервную систему укрепляет. Ступай, бабка, домой.

Тогда пошла бабушка Матрена в горисполком. Уж здесь, думает, заступятся за меня. Выслушал ее секретарь исполкома Николай Федорович Болтунов и покачал головой.

— Ай-яй-яй, — говорит, — как вы дочь плохо воспитали. Бесчеловечная она у вас, черствая. Идите теперь и довоспитывайте.

Была Матрена Кандиевна и в прокуратуре. Помощник прокурора М. А. Губин вызвал Чурековых.

— Что там, — спрашивает, — происходит у вас?

— А ничего, — отвечает Анастасия Семеновна. — Мамашу в дом престарелых выпроваживаю, а она не идет. Такая вредная старуха.

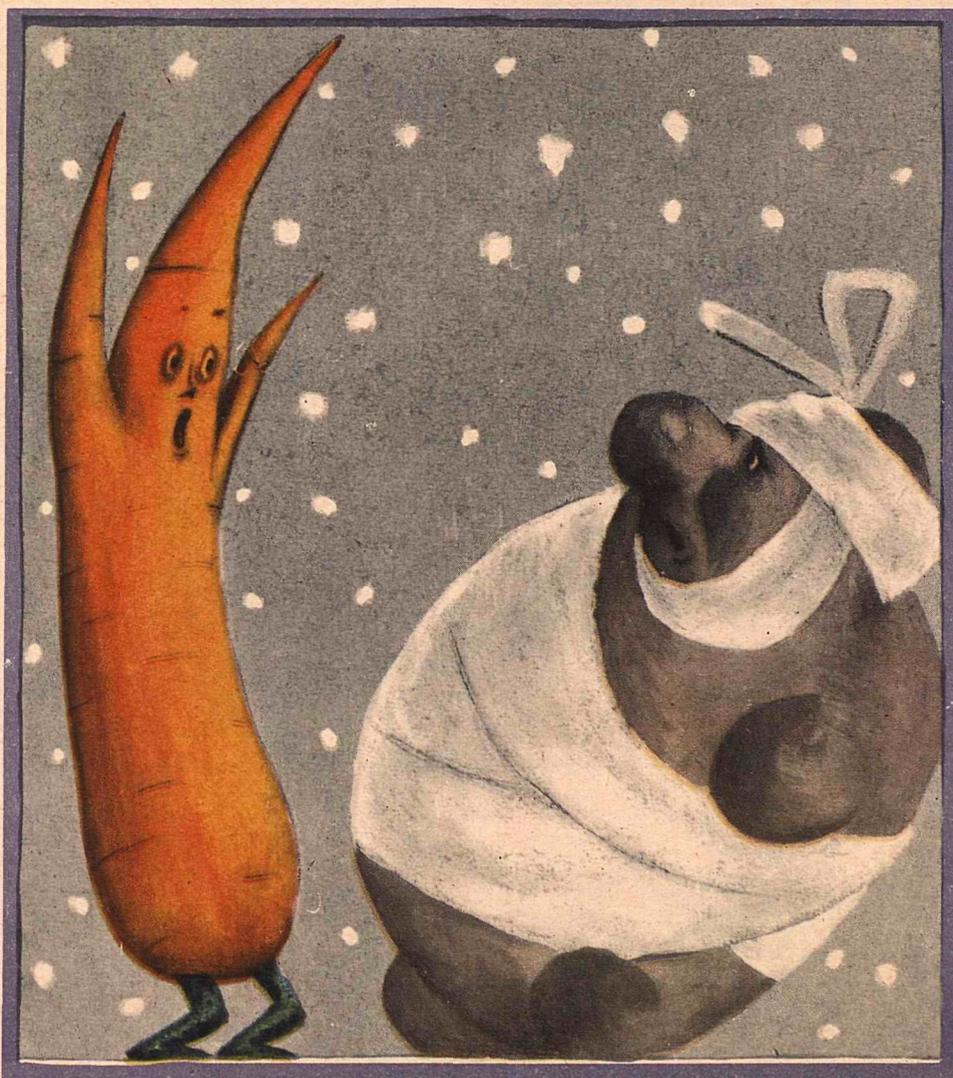
— А-а, ну это — ваше частное дело. Извините, что побеспокоил.

— Ничего, — говорят Чурековы, — пожалуйста.

В общем, осталась бабушка у своего керогаза. Сидит и думу думает. Темная я, думает, необразованная. Считала из-за своей необразованности, что вовсе это не частное дело, когда человек вроде и человеком перестает быть. Неправильно, значит, считала, наивно. Возраст, должно быть...

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Кронодила.

г. Камышин,
Волгоградской области.

— Кто это тебя?
— Мороз ударил...

Рисунок Е. ГУРОВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

Банкир спрашивает своего служащего:

— Какой сегодня день?
— Сегодня у нас пятница, сэр, — отвечает тот.

— То есть, как это «у нас»? — сердито восклицает банкир. — С каких это пор вы стали моим компаньоном?

Американский бизнесмен говорит приятелю:

— Я купил своей жене по случаю дня рождения очень красивое жемчужное ожерелье.

— Но ведь она говорила, что хочет получить новую автомашину.

— А где вы видели, чтобы продавали фальшивые автомашины?

Председатель весьма уважаемого английского клуба сообщает одному из членов клуба:

— Вчера мы поймали за руку шулера.

— И вы, конечно, тотчас же исключили его из клуба?

— Нет еще. Мы потребовали, чтобы сначала он научил нас своим трюкам.

Журналист осведомляется у директора цирка:

— Скажите, пожалуйста, этот человек там, в клетке со львами, и есть прославленный укротитель Карл Мюллер?

— Нет, что вы, это какой-то подсобный рабочий — он только расчесывает львам гривы и чистит им зубы.

Известный профессор говорит жене:

— Ко дню твоего рождения, дорогая, я приготовил тебе сюрприз.

— Как мило! Может быть, ты все-таки снажешь мне?

— Так и быть. Я назову твоим именем открытый мною мироб.

Врач, выслушав пульс больного, говорит:

— Ваш пульс бьется очень медленно.

— А что, вам некогда?

Врач, возмущенный большим счетом за ремонт его автомашины, крикнул:

— Час работы — и такой счет!

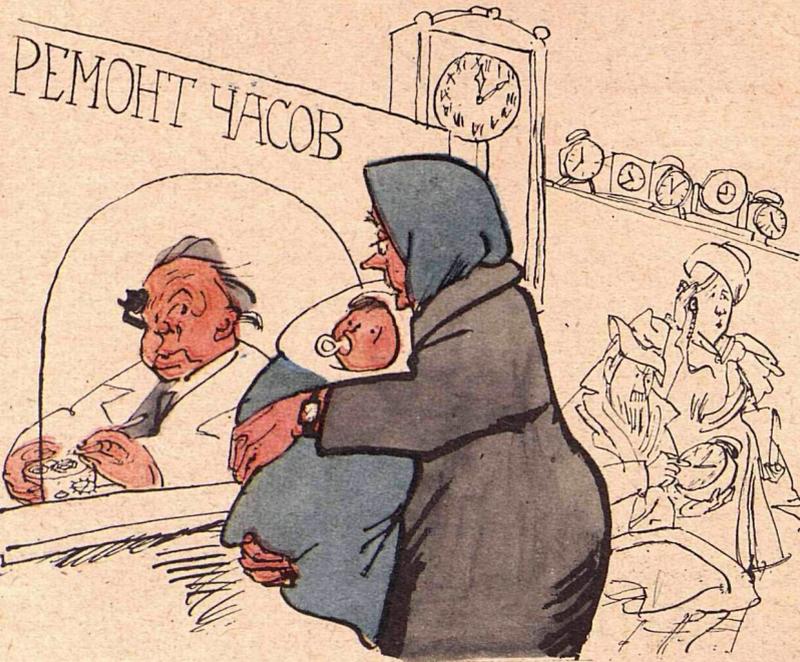
— А что вы хотите, доктор? — ответил механик. — Вот вы, врачи, со дня сотворения мира работаете с одной моделью, а нам каждый год приходится изучать новые системы.

Муж: — Ты слышала, как ночью гремел гром?

Жена: — Нет, но почему ты меня не разбудил? Ты же знаешь, что я совершенно не могу спать во время грозы.

Судья спрашивает жителя Заполярья:

— Где вы провели ночь с 9 ноября на 13 марта?

— Не скажете, что с ним? Все время спал до девяти, а сегодня проснулся в семь.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Не пришла!!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Без очереди.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Слышь, хозяин, подкинул бы за вредность...

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

МОЯ ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

«Товарищи родители, производится запись детей в 1-й класс.

НУЖНЫ ДОКУМЕНТЫ

1. Заявление о приеме.
2. Справка с места работы.
3. Свидетельство о рождении.
4. Для домашних детей справка от врача.

Списал В. БОСИН.

г. Пермь.

«РАБОЧИЕ, НЕ СЛАВШИЕ В КАПТЕРКУ КОМУТЫ С ВЕЧЕРА, УТРОМ В УПРЯЖКУ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ».

(Объявление в совхозе.)

«СИДЕТЬ НА КАЖДОМ СТУЛЕ ВОКРУГ СТОЛА БОЛЕЕ ЧЕТЫРЕХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ».

(Объявление в столовой.)
Копии снял И. КРЮКОВ.
г. Москва.

«Абонент имеет право указать в заказе не более двух телефонов и двух вызываемых лиц с вызовом одного из вызываемых по одному из телефонов».

(Из объявления в почтовом отделении № 24.)
Прислал А. ПИНЧУК.
г. Сочи.

Завсегда.

Рисунок С. СПАСКОГО

Еще утром преподаватель А. А. Животнев после всеобщего обозрения оставил на вешалке свое новое дорогое (260 рублей) пальто и вот теперь, готовясь уйти домой, увидел перед собой лишь голый крюк под вполне счастливым номером. Вокруг толпились преподаватели. Все ждали, что скажет директор. Он сказал:

— Никого из школы не выпускать!

В этот момент в дверях пионерской комнаты появился заведующий Серебрянопрудским роно И. А. Левкин. В руках он держал объемистый сверток, из которого выглядывал уголок исчезнувшего пальто...

Все остолбенели и стояли молча. Экзекуция ремнем отпадала, как потерявшая педагогический смысл.

Левкин подошел к Животневу и тихо сказал:

— Пойдем, друг, а дорогой я все тебе объясню.

Сначала шли молча. Затем Левкин сказал:

— Ничего не могу с собой поделать, Толя. Хоть убей. Понравилось мне твое пальто, и точка! Что-то со мной такое произошло.

— Отдайте мое пальто, това-

ЧУЖОЕ ПАЛЬТО

рищ Левкин! — произнес Животнев. — Отдайте по-хорошему!

— Одумайся, Толя, с кем ты разговариваешь! — укоризненно покачал головой Левкин. — Не заставляй меня использовать служебное положение, не доводи дело до приказа, ведь я все-таки...

— Последний раз прошу! — крикнул Животнев. — Отдай пальто! Добром отдай!

— Черствый ты, бездушный человек, Животнев, — вздохнул Левкин и перебросил сверток в другую руку, — не хочешь в душу мою заглянуть! Не отдам! Иди и жалуйся!

И ушел.

И унес пальто.

Почти полгода после этого разговора при встречах на педсо-

вах и родительских собраниях Животнев просил Левкина вернуть ему пальто, но так ничего и не добился. И делом занялась милиция.

— Верните чужое пальто, товарищ завроно! — нахмурившись, предложил Левкину следователь.

И пальто пришлось вернуть. Так правосудие навсегда исцелило И. А. Левкина от роковой симпатии. И это, надо надеяться, было его последнее серьезное увлечение на ответственном руководящем посту.

Н. РЫНДИЧ,

специальный корреспондент
Крокодила

Серебряные Пруды,
Московской области.

КРОКОДИЛ

№ 32 (1862)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера разработали:

Д. Агаев, М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, И. Норинский, В. Птицын, А. Скотаренко, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Тильман, М. Ушац, М. Хазанов (г. Тула), Е. Шабельник.

наш адрес:

МОСКВА А-15
Бумажный проезд
д.14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(ответственный секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00263.
Подписано к печати
6/ХІ 1967 г.
Формат бумаги 70×108%.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 2122.
Заказ № 3216.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина,
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

«В ЗАВКОМЕ ИМЕЮТСЯ САНАТОРНЫЕ ПУТЕВКИ ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ ДВИЖУЩЕГО АППАРАТА (РАДИКУЛИТА)».

Переписал Е. ФИЛИМОНОВ.

г. Днепропетровск.

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е

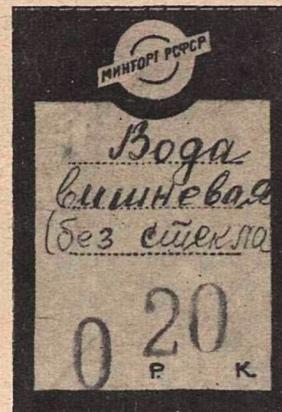
24 ФЕВРАЛЯ 1967 ГОДА В 15-00 ЧАСОВ В ПОМЕЩЕНИИ ПИОНЕРСКОЙ КОМНАТЫ СОСТОИТСЯ БЕЗ СЕДА НА ТЕМУ: "О ПРАВЕ НАРУШЕНИЯ ПОДРОСТКА"

БЕСЕДУ ПРОВОДИТ ЛЕЙТЕНАНТ МИЛИЦИИ ТОВ. ВАЛОВАЯ ЛЮДМИЛА ГЕОРГИЕВНА.

АДМИНИСТРАЦИЯ.

Прислал Ю. ФИЛОНОВ.

г. Балтийск.

Прислал Ю. ЗЕМСКОВ.

г. Челябинск.

Багажное отделение доставляет с вокзала на дом жителей горь донецка и из дому на вокзал багаж пассажиров

Фото В. ЧУГРЕЕВА

г. Донецк.

«В НАШЕМ КАФЕ ВЫ ВСЕГДА МОЖЕТЕ ПОКУШАТЬ МОРОЖЕНОЕ СО ВСЕВОЗМОЖНЫМИ НАПОЛНИТЕЛЯМИ, ВЫПИТЬ СОК В АССОРТИМЕНТЕ».

(Объявление в кафе «Минутка».)

Копию снял К. ПРИБИТКОВ.

г. Новосибирск.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«БЕЗ РИСКА...»

В редакцию пришло письмо о «безобразиях, которые творятся в Тербунской районной больнице». Из письма явствовало, что рентгенотехник Никифоров в рабочее время с улюлюканьем носится по

липецким лесам, травя зайцев, а бухгалтер больницы и главврач Галактионова занимаются, дескать, злоупотреблениями.

В Тербуны выехал корреспондент. Факты не подтвердились, но автор письма П. Л. Печорских остался доволен. Больница в свое время удержала с него за халатность 20 рублей, и вот он решил отомстить — потреть, как гово-

рят, нервы. Об этом шла речь в заметке «Без риска...» («Крокодил» № 14).

Липецкий обком КПСС сообщил редакции: «Заметка «Без риска...» обсуждалась в коллективе больницы. Печорских П. Л. за недобросовестное отношение к работе и неправильное поведение в коллективе от должности шофера больницы освобожден».

По тому же поводу

РУКОТВОРНЫЕ ГОРЫ

Рельефы местности в наше время меняются бунвально на глазах. Вот станция Павшино. Два года назад здесь особых возвышенностей не наблюдалось. А прошло каких-то полгода, и появилась гора. Не совсем обычная, правда, гора.

Создана она не природой, а усилиями работников Красногорского гортопа. Из дров и досок. Еще в прошлом году Крокодил поведал на своих страницах об этих преобразователях природы. Но ничто не поколебало их упорства: гора выскочила и поныне.

Красногорскому гортопу не уступает и Истринская мебельная фабрика. Ею воздвигнуты горы из пиломатериалов на станции Иерусалимская. И хотя работники транспорта без конца требуют вывозки этих пиломатериалов, руководители фабрики не внемлют. Предпочитают платить штрафы. В прошлом году внесли более пяти тысяч рублей, а за половину нынешнего года — уже три тысячи. Потребуется — заплатят еще. Денежки-то не свои.

ПРИМИТЕ НАШИ СОЧУВСТВИЯ

Прочитала я в вашем журнале заметку Сердюкова «Самовреды»,

и кажется, что все это было не в Минске, а у нас, в Петропавловск-Камчатском. Здесь тоже купить плафон для люстры — неразрешимая проблема. Не хочешь любоваться на разбитый плафон — покупай люстру целиком. И в чем тут причина, разобрать никак не можем. Неужели производство этих плафонов — невероятно сложная вещь? Нет, товарищ Сердюков, не одиноки вы в своих мучениях. Примите наши сочувствия.

А. СОБОЛЕВСКАЯ

г. Петропавловск-Камчатский.

10 июля 1967

ГРЕЧЕСКАЯ ХУНТА: — Какая жалость! Такой прекрасный остров, а до сих пор не освоен!

Рисунок Ю. ГАНФА